DOI: 10.17976/jpps/2018.04.15

ПОЧЕМУ ТАК ВОСТРЕБОВАНЫ ИННОВАЦИОННЫЕ ЗНАНИЯ О РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

С.А. Кравченко

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии МГИМО МИД России, Москва. Для связи с автором: sociol7@yandex.ru

Кравченко С.А. Почему так востребованы инновационные знания о российском обществе. – Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 185-191. https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.15

Статья поступила в редакцию: 19.03.2018. Принята к публикации: 04.04.2018

Аннотация. Автор делится размышлениями, пробужденными чтением книги М.К. Горшкова "Российское общество в контексте новой реальности. К итогам и продолжению социологического мегапроекта" (Москва: Весь Мир, 2017) и некоторых других трудов – его собственных и его школы. В статье показывается, что многие российские и зарубежные исследователи считают главной функцией социологии диагностику общества. В этом ряду особое место занимает уникальный теоретико-методологический инструментарий социологической диагностики, предложенный академиком РАН Горшковым, органично сочетающий междисциплинарный и контекстуальные подходы. Его применение позволило получить весьма валидные результаты состояния России за последние четверть века, на основе чего дается прогноз ее будущего, учитывающий также нынешние особенности глобальных и национальных реалий. Предлагается переосмысление стратегии развития российского общества, ее переориентирование на реализацию социально-экономических задач и достижение гуманистических целей развития социума. Соответственно, востребовано новое управление, включающее в качестве важнейшего социогуманитарного компонента развитие и воспроизводство социального и человеческого капитала на базе высокоразвитых сфер науки, культуры и образования. Инструментарий диагностики выделяет и обосновывает средства оптимизации социальной жизни россиян, среди которых социогуманитарная экспертиза; условия для свободной деятельности людей; национальный вариант демократической системы, обеспечивающий воспроизводство социального доверия граждан к политическим институтам; становление реального образования как средства противостояния вызовам России; гуманизация экономики, нацеленная на наращивание социального и человеческого капитала. Диагноз социологов таков: общество стало сложным, более дифференцированным и многослойным с перманентным процессом технического и социокультурного обновления, а у россиян сформировалось осознание своей принадлежности к европейскому и евразийскому миру.

Ключевые слова: Россия; социологическая диагностика; социогуманитарная экспертиза; гуманистический поворот; будущее.

В течение ряда лет М.К. Горшков исследует комплекс проблем, связанных с усложняющейся динамикой развития российского общества. В центре исследований – определение *вектора развития страны на ближайшее и перспективное будущее,* опираясь на знание о нынешних социально-экономических, политических, социокультурных и этнорелигиозных реалиях. Регулярно на эту тему выходят в свет его книги [Горшков 2016] или труды под его редакцией [Российское общество... 2017; Столицы и регионы... 2018]. В рецензируемой книге "Российское общество в контексте новой реальности" концентрирован-

но изложены итоги мегапроекта изучения состояния и динамики российского социума, подверженного одновременному воздействию трансформационных процессов и испытанию санкциями [Горшков 2017].

Валидность результатов исследовательской стратегии

Задействованный инструментарий *социологической диагностики* российского общества основывается на *междисциплинарном, комплексном подходе* к анализу социально-экономических, политических, социокультурных и этнорелигиозных процессов. Он учитывает репрезентативную реальность, представленную эмпирической базой мониторингового типа. *Валидность* социологической информации обеспечивалась использованием *четырехступенчатой районированной выборки*. На ее первой ступени проводилась разбивка территориально-экономических районов сообразно принципам, используемых Росстатом для контроля социально-экономических показателей в динамике. На второй – выделялись типичные субъекты РФ в составе каждого такого района страны. На третьей – проводился расчет статистических квот по степени урбанизированности в контексте пяти типов поселений: мегаполисы, административные центры субъектов РФ, административные центры районов, поселки городского типа и села; на четвертой – задавались квоты по социально-профессиональным признакам респондентов, а также по пяти возрастным когортам: 18-30 лет, 31-40 лет, 41-50 лет, 51-60 лет, 60 лет и старше [Горшков 2017: 10-11].

Пространственно-временной контекстный аналитический подход в виде *пяти волн мониторинга*, проходившего каждые полгода осенью и весной с октября 2014 г. по октябрь 2016 г., позволил изучить *комплексную динамику* воздействия внешних и внутренних факторов на сознание и поведение россиян, проживающих в различных регионах страны, учитывая *контексты конкретного времени*. Казалось бы, этим показателем можно бы пренебречь – ведь были взяты для анализа сравнительно близкие друг другу социальные срезы, разделенные всего шестью месяцами. Однако в условиях жизни в *высокоскоростном обществе, подверженном социальному ускорению* [Rosa 2013; High Speed Society... 2009], к которому относится и Россия, параметры социума в таких временных лагах могут *качественно различаться*, *усложняться*, что проявилось в *флуктуациях* между *полюсами тревожности и адаптации*. Так, если в 2013 г. в сознании россиян доминировали внутренние угрозы, то к осени 2014 г. они были вытеснены внешними вызовами – украинский кризис, втягивание в него России, расширение НАТО на восток. Вторая волна мониторинга (март 2015 г.) уже выявила другие "болевые точки" – рост цен, страх безработицы, наращивание объемов трудовых нагрузок с одновременным снижением социальной защищенности работников. Именно в этот период выявляются тенденции консолидации нации и роста патриотизма. Третья волна (октябрь 2016 г.) показала, что общество в целом адаптировалось к экономическим трудностям. Четвертая волна (март 2016 г.) выявила всплеск тревожных умонастроений, выразившихся в чувствах безразличия, апатии и подавленности, но не связанных с деструктивным поведением. Наконец, итог пятой волны проекта (октябрь 2016 г.) – констатация преобладания позитивных умонастроений [Горшков 2017: 13, 14-15, 19, 25, 27, 32]. Получить такую многогранную картину динамики общественного сознания стало возможным благодаря комплексному инструментарию, который, полагаем, весьма затратный, но именно он обеспечил валидность результатов – им можно доверять, а на их основе формировать стратегию развития страны.

Исследование выявило *новые формы социальной патологии* (монетарные и немонетарные неравенства; системное изменение взаимоотношений работников и работодателей со смещением акцента в этих отношениях в сторону углубления бесправного положения работающих; наращивание объемов трудовых нагрузок работающего населения). Обнаружены диспропорции между зонами институционального доверия и недоверия. С одной стороны, россияне выражают доверие институтам президентства, армии и церкви, что вносит вклад в целостность, единство и стабильность социума. С другой стороны, в зоне недоверия оказались институты, которые помогают реализации частных интересов (территориальных, отраслевых, партийных), причем снижение доверия проявляли прежде всего социально активные и ресурсно-благополучные группы россиян [там же: 16, 23-24, 30].

Что весьма значимо – диагностированы *позитивные последствия* кризиса и санкций, в частности, выразившиеся в "ренессансе патриотизма", развитии практик низовой солидарности, задействовании механизмов "электронной демократии", формировании установок к самореализации, активизации квалификационного и культурного ресурсов россиян. В итоге обосновано, что идет становление "*нового субъекта* экономического и социально-политического действия, способного в предлагаемых обстоятельствах выйти на авансцену ключевых событий и процессов общественной жизни" [там же: 16-18, 22-23]. Социум пострадал не столько из-за кризиса, сколько из-за неготовности институтов к нейтрализации его последствий. Нельзя не согласиться с выводом социологов, что власти делали акцент на решении проблем социального обеспечения, а не сферы занятости, результатом чего, в частности, стала вынужденная активизация дополнительной трудовой активности и сокращение свободного времени [там же: 54].

Валидность результатов исследовательской стратегии подкрепляется ориентацией на содружество *академической* и *публичной социологии*, что, в частности, предполагает задействование принципов "организованного скептицизма" и перманентного "переоткрытия" ранее полученного знания (Р. Мертон), фальсифицируемость научных результатов – принятие того, что существуют условия, при которых они могут быть опровергнуты (К. Поппер). Академик Горшков постоянно выступает на телевидении и в печати, возродил практику встреч социологов с научной общественностью в Центральном доме ученых, на которых задаются подчас "неудобные" вопросы, высказываются перспективно интересные и нереализуемые предложения.

Полагаю, что у современного кризиса *интегральная природа*, по существу, предполагающая взаимное переплетение *ряда кризисов* – экономического, социального, культурного (из-за неуправляемой открытости в страну приходят ценности и социальные практики, чуждые ментальности россиян). Хотелось бы, чтобы сложные причины кризисов, находящиеся как вовне, так и внутри страны, были конкретизированы на следующем этапе исследования. В первом приближении можно предположить, что есть кризисы – вызовы всему человечеству, обусловленные объективным усложняющимся становлением единой социоприродной реальности, функционирование которой практически не изучены. Но есть кризисы рукотворные субъективного толка, среди которых можно выделить искусственно созданные (необязательно политически мотивированные) и инсценированные кризисы путем провокаций [Дмитриев, Сычев 2017]. Есть кризисы, обусловленные развитием современного знания, которое обретает качество быть "обобщенной *способностью к действию* и моделью *для* реальности" [Adolf, Stehr 2017: 18]. Тренды производства прагматического знания способны латентно

инициировать деструктивные последствия как на глобальном, так и локальных уровнях, и нами был предложен новый синтез научного знания, основанный на гуманистическом повороте *всех* наук и интеграции естественнонаучного знания с новейшими достижениями гуманитарных наук [Кравченко, Салыгин 2015]. Нужно предложить критерии *эффективности функционирования российского общества* в кризисных условиях. В амбивалентной природе кризисов скрыт потенциал как принципиально нового "зла" [Bauman, Donskis 2016; Wieviorka 2017], так и "добра". У. Бек указал на предпосылки для метаморфоз в виде "позитивных побочных эффектов плохого", что "направляет нас к значимым политическим решениям" [Beck 2016: 4, 20]. Какие это могут быть решения применительно к нашей стране? Станут ли они синергийным эффектом перехода России на иную траекторию развития в иные пространственно-временные, целевые и ценностные координаты? Если З. Бауман, У. Бек обозначили проблемы и поставили вопросы (в этом их несомненная заслуга!), то ответы на них будут знаменовать действительно прорывное знание мирового уровня.

Инновационное видение настоящего и будущего России

Споры о *цивилизационной самоидентификации* России своими корнями уходят в XIX в. Сегодня же, судя по результатам исследований, флуктуации цивилизационных самоидентификаций *ускорились и усложнились*: если в начале XXI в. большинство россиян определяло страну как часть Европы, через десять лет половина населения придерживалась полюса западничества, а другая половина – евразийства, то ныне почти две трети россиян считают Россию особой *евразийской цивилизацией*. Причинами таких сдвигов участники проекта считают кризис 2014 г., события на Украине, антироссийские санкции со стороны Запада, которые при оценке внешних угроз для страны привели к доминированию массового ощущения отчужденности России от Запада [Горшков 2017: 37-39]. К новациям фундаментального толка можно отнести вывод о становлении *новой гражданской идентичности*, означающей любовь к стране, гордость и уважение к ней. Для большинства россиян этническая или религиозная принадлежность не являются препятствием для формирования российской идентичности, а совмещаются с ней [там же: 46-48].

Несмотря на переосмысление россиянами ряда ценностных ориентиров в кризисных условиях, *базовые компоненты собственно российского социального мышления сохранились*: это представления о самоуважении, переплетение модернизационных стремлений с традиционализмом; ориентация на духовно-нравственную полезность. Целью "успешной модернизации", как она видится российскими гражданами, является не доход, извлекаемый из природных богатств, а организация производства интеллектуального продукта [там же: 50-51]. Полагаю, в дальнейшем участники проекта конкретизируют компоненты этого типа модернизации.

Отметим три принципиальные новации, к которым пришли исследователи. Во-первых, если ранее виделось, что у страны *единое* "светлое" будущее, то ныне набирает вес идея возможности *многообразия моделей будущего* как для страны, так и граждан, что зависит от множества внешних и внутренних факторов. Разброс мнений о личном будущем велик: 44% респондентов уверены в нем полностью или частично, 29% – "скорее не уверены", а 13% – "совершенно не уверены". Вместе с тем "существенная зависимость между представлениями россиян о своем личном будущем и будущем своей страны" [там же:

41] создает хорошую базу для национального развития. Во-вторых, старшее поколение обществоведов помнит, что будущее страны представлялось *оптимистичным* в виде "изобилия полным потоком", залогом чего считалось "стирание социальных различий", а потому *все* люди могут удовлетворять свои "возрастающие потребности". В последнее десятилетие существования СССР такой пропагандистский штамп стал формировать *пессимистическую* картину будущего. На Западе ситуация была не лучше – там оптимизм вообще сменился *катастрофизмом*, который до сих пор сохраняет свое влияние, что Дж. Урри в книге "Что есть будущее?" объясняет *рукотворными трансформациями* прагматичного толка, ведущими к "потенциальному коллапсу человеческих обществ" [Urry 2016: 37]. В России иная ситуация: исследователи пришли к выводу, что сформировался мощный запрос на новую "уверенность в будущем", в которой, разумеется, нет романтических иллюзий прошлого, а "светлое" будущее ассоциируется с удовлетворением повседневных нужд людей. Его восприятие *социально дифференцировано*: среди тех, кто не уверен ни в собственном будущем, ни в будущем страны, преобладают малообеспеченные – 60% [Горшков 2017: 40-41]. В-третьих, радикально изменились представления о *готовности к переменам* и *пути* достижения версий желательного будущего. Мотивация к грандиозным переменам, характерная для советских людей, была подорвана кризисами и двумя "чеченскими войнами": 67% россиян "просто опасаются перемен", что "провоцирует высокую степень неопределенности ближайшего будущего страны" [там же: 2017: 42]. Что же касается *пути нашей страны в будущее*, то в исследовании в общих чертах говорится, что восприятие "перспективы 'светлого будущего' в ближайшие годы будет зависеть от того, как изменится позиция тех наших сограждан, кто не удовлетворен сегодня ни деятельностью существующего правительства, ни перспективой реформ, а также того, как политическая элита России будет реагировать на сдвиги в перспективных ожиданиях граждан страны" [там же: 43].

Эта проблема требует *инновационного подхода*, и хотелось бы, чтобы исследователи высказались более конкретно, чтобы через два года, по завершении проекта, читатели получили ответы на вопросы, среди которых следующие. Куда же идти? Каков общий ценностный и целевой вектор развития страны как сложной социоприродной системы, объективно предрасположенной к "нормальным авариям" [Perrow 2011] и "нормальной аномии" ["Нормальная аномия"... 2017], а также к кризисам? Как этой новой усложняющейся реальностью управлять? Какая из возможных моделей будущего более адекватна ценностным ориентациям россиян и реальна в контексте движения к новому международному статусу страны? И главное – какую же реформу или модернизацию можно предложить в качестве оптимального пути материализации новой "уверенности в будущем"?

Позволю, со своей стороны, выдвинуть одно соображение. Исторически наиболее эффективными для страны, ее международного статуса были не перестройки и реформации прагматического толка, а преобразования, основанные на *гуманных целях, ценностях добра, справедливости и социального счастья*, что создавало всенародную мотивацию и формировало массовый патриотизм и гордость. Даже относительно успешная материализация идеалов добра и социального счастья в советское время обеспечила стране высокий международный статус. С учетом исторического контекста и вызовов социальной и природной турбулентности, усложняющихся рисков и уязвимостей, мы высказались за *гуманистический поворот* всего научного знания как интеллектуальной основы *гуманистической модернизации* [Кравченко

2016: 252-269]. Такой путь в будущее предполагает переход от доминирования прагматических к социально-гуманным целям и ценностям.

Общие результаты по итогам проекта оказались интересными и значимыми, и отнюдь не случайно Российским научным фондом была поддержана заявка на его двухлетнюю пролонгацию. Научная общественность ждет от исследовательского коллектива дальнейшего качественного наращивания инновационного социологического знания.

Горшков М.К. 2017. *Российское общество в контексте новой реальности. К итогам и продолжению социологического мегапроекта*. М.: Весь Мир. 104 с.

Горшков М.К. 2016. *Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики)*. Т. 1-2. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф. 416, 496 с.

Дмитриев А.В., Сычев А.А. 2017. *Провокация: Социофилософские очерки*: Монография. М.: ЦСПИМ. 336 с.

Кравченко С.А. 2016. *Социологическая диагностика рисков, уязвимостей, доверия*. Учебное пособие. М.: МГИМО-Университет. 431 с.

Кравченко С.А., Салыгин В.И. 2015. Новый синтез научного знания: становление междисциплинарной науки. – *Социологические исследования*. № 10. С. 22-30.

"Нормальная аномия" в России и современном мире. 2017. Под общ. ред. С.А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет. 281 с.

Российское общество и вызовы времени. 2017. Книга пятая. Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь Мир. 424 с.

Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя. 2018. Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М.: Весь Мир. 312 с.

Adolf M., Stehr N. 2017. *Knowledge*. Second ed. L., N.Y.: Routledge. 312 p.

Bauman Z., Donskis L. 2016. *Liquid Evil. Living with TINA*. Cambridge: Polity Press. 170 p.

Beck U. 2016. *The Metamorphosis of the World*. Cambridge: Polity Press. 223 p.

Perrow Ch. 2011. *The Next Catastrophe. Reducing Our Vulnarabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 432 p.

Rosa H. 2013. *Social Acceleration: A New Theory of Modernity*. N.Y.: Columbia University Press. 512 p.

High Speed Society: Social Acceleration, Power and Modernity. 2009. Ed. by Rosa H., Scheuerman W.E. Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press. 328 p.

Urry J. 2016. *What is Future?* Cambridge: Polity Press. 226 p.

Wieviorka M. 2017. Europe Facing Evil: Xenophobia, Racism, Anti-Semitism and Terrorism. – *Europe's Crises*. Ed. by M. Castells. Cambridge: Polity Press. P. 205-223.

DOI: 10.17976/jpps/2018.04.15

WHY INNOVATIVE KNOWLEDGE ABOUT RUSSIAN SOCIETY IS IN SUCH A DEMAND

S.A. Kravchenko[1]

[1]*Moscow State Institute of International Relations (University), MFA of Russia. Moscow, Russia*

KRAVCHENKO Sergey Aleksandrovich, Dr. Sci. (Soc.), Professor, MGIMO-University. Email: sociol7@yandex.ru

Kravchenko S.A. Why Innovative Knowledge About Russian Society Is in Such a Demand. – Polis. Political Studies. 2018. No. 4. P. 185-191. https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.15

Received: 19.03.2018. Accepted: 04.04.2018

Abstract. The author of the article shares his reflections on innovative knowledge, inspired by reading a book by M.K. Gorshkov "Russian society in the context of new reality. To the results and continuation

of the sociological mega-project" (Moscow: Ves Mir Publishers, 2017) and some other works – his own and his school. As it is shown in the article, many Russian and foreign sociologists consider the main function of sociology to be the diagnosis of society. A special place in this series is the unique theoretical and methodological instruments for the sociological diagnostics proposed by the Full Member of the Russian Academy of Sciences M.K. Gorshkov that organically combines interdisciplinary and contextual approaches. Its application allowed the investigators to obtain very valid results of Russia's states in the last quarter of the century, on the basis of which a forecast is given for its future that also takes into account the peculiarities of current global and national realities. In this context, the author of the article proposes to reconsider the development strategy of Russian society, its reorientation to the realization of socio-economic tasks and the achievement of humanistic goals of the development of the society. Accordingly, the new management is demanded including the development and reproduction of social and human capital as the most important socio-humanitarian component on the basis of highly developed spheres of science, culture, and education. The diagnostic instruments identify and justify the means of optimizing the social life of Russians among which are: a socio-humanitarian expertise; conditions for free activity of people; the national variant of the democratic system ensuring the reproduction of social trust of citizens in political institutions; the formation of education as a means of countering the challenges for Russia; the humanization of the economy aimed at increasing of social and human capital. The sociological diagnosis that was carried out made it possible to establish a social diagnosis according to which Russian society has become complex, more differentiated and multilayered with a permanent process of technical and socio-cultural renewal while the Russians formed the awareness of their belonging to the European and Eurasian world.

Keywords: Russia; sociological diagnostics; social and humanitarian expertise; humanistic turn; future.

References

Adolf M., Stehr N. *Knowledge*. Second ed. London and New York: Routledge. 2017. 312 p.

Bauman Z., Donskis L. *Liquid Evil. Living with TINA*. Cambridge: Polity Press. 2016. 170 p.

Beck U. *The Metamorphosis of the World*. Cambridge: Polity Press. 2016. 223 p.

Dmitriev A.V., Sychev A.A. *Provokaciya: Sociofilosofskie ocherki* [Provocation: Sociophilosophical essays]. Moscow: CSPIM. 2017. 336 p. (In Russ.)

Gorshkov M.K. *Rossijskoe obshchestvo v kontekste novoj real'nosti. K itogam i prodolzheniyu sociologicheskogo megaproekta* [Russian Society in the Context of a New Reality. To the Results and Continuation of the Sociological Megaproject]. Moscow: Ves Mir Publishers. 2017. 104 p. (In Russ.)

Gorshkov M.K. *Rossijskoe obshchestvo kak ono est': (opyt sociologicheskoj diagnostiki)* [Russian Society as It Is: (the Experience of Sociological Diagnosis)]. Vol. 1-2. 2nd ed. Moscow: New Chronograph. 2016. 416 p. (In Russ.)

Kravchenko S.A. *Sotsiologicheskaya diagnostika riskov, uyazvimostei, doveriya* [Sociological Diagnosis of Risks, Vulnerabilities, Trus]. Moscow: MGIMO-University. 2016. 431 p. (In Russ.)

Kravchenko S.A., Salygin V.I. A New Synthesis of Scientific Knowledge: the Formation of Interdisciplinary Science. – *Sociologicheskie issledovaniya*. 2015. No. 10. P. 22-30. (In Russ.)

"Normal'naya anomiya" v Rossii i sovremennom mire ["Normal Anomie" in Russia and the Modern World]. Ed. by S.A. Kravchenko. Moscow: MGIMO-University. 2017. 281 p. (In Russ.)

Perrow Ch. *The Next Catastrophe. Reducing Our Vulnarabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 2011. 432 p.

Rosa H. *Social Acceleration: A New Theory of Modernity*. New York: Columbia University Press. 2013. 512 p.

Rossijskoe obshchestvo i vyzovy vremeni [Russian Society and the Challenges of Time]. The fifth book. Ed. by M.K. Gorshkov, V.V. Petuhov. Moscow: Ves Mir Publishers. 2017. 424 p. (In Russ.)

Stolicy i regiony v sovremennoj Rossii: mify i real'nost' pyatnadcat' let spustya [Capitals and Regions in Modern Russia: Myths and Reality Fifteen Years Later]. Ed. by M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova. Moscow: Ves Mir Publishers. 2018. 312 p. (In Russ.)

High Speed Society: Social Acceleration, Power and Modernity. Ed. by Rosa H., Scheuerman W.E. Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press. 2009. 328 p.

Urry J. *What Is Future?* Cambridge: Polity Press. 2016. 226 p.

Wieviorka M. *Europe Facing Evil: Xenophobia, Racism, Anti-Semitism and Terrorism. – Europe's Crises*. Ed. by M. Castells. Cambridge: Polity Press. 2017. P. 205-223.